

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТУРЕЦКОГО

ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ

*Трое сыщиков,
не считая женщины*

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

**Трое сыщиков, не
считая женщины**

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Трое сыщиков, не считая женщины / Ф. Е. Незнанский —
«Автор», — (Возвращение Турецкого)

Покушение на генерала Свентицкого, совершенное среди белого дня, оказалось для следователей детективного агентства «Глория» крепким орешком. Преступники практически не оставили следов. Приходится проверять, кому было выгодно убийство генерала. Бывшим его подчиненным, которым он мог насолить в армии? Представителям фирмы, жаждавшим прибрать к рукам помещение в центре Москвы? Или дельцам теневого бизнеса, промышленяющим торговлей фальшивыми произведениями искусства? Чтобы ответить на эти вопросы, три следователя параллельно проверяют эти версии. Как всегда, у них находятся добровольные помощники. Однако люди, заинтересованные в том, чтобы расследование зашло в тупик, тоже не сидят сложа руки...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фридрих Незнанский

Трое сыщиков, не считая женщины

Глава 1

УТРЕННИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Сержант Павел Алферов сам бы не смог толком объяснить, почему считал четверку счастливой для себя цифрой. Кажется, это суеверие у него возникло из духа противоречия, столь присущего многим, особенно молодым людям.

Однажды с родителями он ездил к дальним родственникам в Ярославль, у них там намечался какой-то громкий юбилей, типа серебряной свадьбы. Народу понаехало тьма-тьмушая, уже и не знали, где кого разместить. На ночевку Павла пристроили в соседский дом, с ним в комнате, на кровати у противоположной стены, расположился еще один мужик, тоже Алферов, но – седьмая вода на киселе. Раньше они были незнакомы. Под утро Павел почувствовал, как его сосед начал ворочаться с боку на бок, места себе не находил. Даже подумал, плохо ему с похмелья. Ворочался тот минут десять, наконец встал, пошел в туалет, а вернулся в комнату – как огурчик.

Потом уже этот родич объяснил ему, что для него четверка несчастливая цифра. А там, в комнате, стояли часы со светящимся табло. Он проснулся, говорит, в туалет невтерпеж, время же, как назло, семь сорок, то есть четверка есть. Если четверка есть, ни за что не встанет. Ну и терпел бедолага до семи пятидесяти, только тогда поднялся.

Позже Павел с этим суеверным родичем по пьяной лавочке крупно повздорил. Обозлился на него. Если для тебя четверка несчастливая, подумал, то для меня она будет счастливой. Стал замечать, что вроде в самом деле так – родился четырнадцатого числа, к тому же в апреле – четвертом месяце. По другим поводам четверка тоже приносила ему удачу. Так с тех пор и уверовал в чудодейственную силу этой цифры. Лучший день недели для него четвертый, четверг.

Сегодня как раз четверг. Поэтому с утра хорошее настроение, должно повезти. Вот и на завтрак дали гречневую кашу. Он гречку больше всего любит, даже больше, чем картофельное пюре.

Чай тоже сегодня удался, отлично заварен. Так что подкрепился сержант на славу, курнул с ребятами возле входа в казарму и поехал за шефом, домой к нему. Ехать недолго, все-таки в августе машин меньше, многие люди в отпусках. В другое время ему за генералом ехать минут двадцать, а сейчас домчался почти в два раза быстрее. И вот что значит четверг – в другой день остановишься возле подъезда, так обязательно кто-то будет ехать мимо, нужно отодвинуться. Тут такой дурной двор, что через него многие едут, чтобы не останавливаться перед светофором на уличном перекрестке. Сегодня же только притормозил на своей «Волге» возле подъезда, как генерал-лейтенант собственной персоной вышел. Совсем ждать не пришлось.

Сержант въехал во двор с Ударной улицы, через арку, а уехал через Фаянсовый переулок – это у них привычный маршрут, так каждый день ездят. Переулок хотя и тихий, но противный донельзя. Мусорные баки здесь ставят чуть ли не посередине, приходится выходить и отодвигать их в сторону. Бегают много бездомных собак. Снег зимой убирают через пень-колоду, машина часто буксует. Один раз в совершенно безветренную погоду вдруг старый тополь прямо перед капотом свалился, Павел еле успел затормозить. Сейчас вон канаву роют. В аккурат поперек мостовой идут. Сержанту, чтобы проехать, сантиметры придется высчитывать, иначе колесо в яму угодит. Главное – рядом стоит экскаватор, который мог бы в два счета вырыть и быстро

закопать. Так он не работает, уже гусеницы ржавесть начали. А вокруг канавы суетится один долговязый работяга в оранжевой каске. Вдобавок разложил на земле свои железяки, которые мешают проехать. Уж на что Андрей Владиславович выдержанный человек, однако и тот возмутился:

– Сколько же можно копать! Клад они здесь ищут, что ли? Два раза в год все перекапывают, как по расписанию. Вот поросята неорганизованные. Погонять бы их на плацу с ветерком, тогда научились бы работать.

Генерал-лейтенант отложил на сиденье папку, которую держал в руках, и взялся за ручку дверцы.

– Я сам поговорю, – угодливо вскинулся Павел.

– Сиди уж, – отмахнулся Свентицкий. – С таким жлобьем нужна тяжелая артиллерия. Эта публика вежливого обхождения не понимает.

Алферов видел, как генерал прошел вдоль канавы к деревянным мосткам, ведущим к железным воротам, оставшимся от старого, готовившегося к сносу дома. Поравнявшись с рабочим, он остановился и, едва сдерживая раздражение, обратился к нему:

– Когда засыпать собираетесь ущелье? Тут, между прочим, проезжая часть.

Рабочий совершенно не прореагировал на его слова. Опустив голову, он рылся в сумке с инструментами.

Отсутствие реакции взбесило Свентицкого, и он повысил голос:

– Завтра? Послезавтра? К понедельнику закончите?.. Эй, к тебе обращаюсь!

Тот по-прежнему занимался своим делом, и генерал подумал, что имеет дело с глухонемым. Смачно выругавшись, он подошел к воротам, чтобы оказаться перед рабочим лицом к лицу. Если он глухонемой, то не слепой же, увидит его. Андрей Владиславович перепрыгнул через канаву, обернулся и сам потерял дар речи – рабочий наставил на него хромированный пистолет и два раза выстрелил.

Пистолет был с глушителем, поэтому водитель не столько расслышал выстрелы, сколько видел их последствия. Алферов увидел, как мученически скривилось лицо генерала, как тот обеими руками схватился за живот и начал медленно оседать, а потом свалился набок. Причем его голова оказалась буквально в нескольких сантиметрах от гусеницы экскаватора. Еще немного, и Андрей Владиславович ударился бы затылком о железо.

На какое-то мгновение Алферов застыл. Он не спускал глаз с генерала и лишь периферийным зрением видел, как рабочий скинул куртку, выпрыгнул из канавы и что было мочи рванул через ворота. По пути он сорвал с головы каску и отшвырнул ее в сторону.

Только тут сержант выскочил из машины и успел заметить, что убийца свернул за угол дома. Причем ему показалось, что он уже бежал не один, а к нему кто-то присоединился, тоже высокий, и они оба скрылись из виду.

Все происшествие заняло считанные секунды. Мысли в голове Алферова мелькали, словно птицы в клетке. Что делать? Догонять киллера? Тот побежал в сторону людной улицы, вряд ли он там станет отстреливаться от преследователя. Этого Павел не боялся, он даже был готов погнаться за обоими. Но все же сначала нужно проверить, что произошло с генералом. Может, он еще жив, хотя этот гад стрелял в упор.

Сержант подбежал к Андрею Владиславовичу, который лежал на земле, обеими руками схватившись за грудь. Он хрипел, пытаясь что-то сказать. Значит, еще жив, значит, необходимо срочно вызывать «скорую помощь».

– Помогите! – громко закричал Алферов. – Помогите!

Он мог и не кричать – к месту происшествия уже приближались люди: из машин, из близлежащих домов. Среди них уже нашелся врач, молодой парень, усадивший раненого поудобней и нащупавший его пульс. Тут же было принято разумное коллективное решение не вызывать «скорую помощь», а отвезти генерала на его машине в военный госпиталь, это недалеко отсюда,

ближе любой другой больницы. Поскольку же объяснить дорогу сложно, то еще один врач, пенсионер, согласился поехать вместе с Алферовым. Несколько мужчин осторожно донесли Свентицкого до машины и помогли уложить его на заднем сиденье.

Не забыли и про милицию, позвонили по 02, вызвали, объяснив в двух словах суть происшествия. Несколько человек остались ждать, пока придет машина. Нужно ничего не трогать до их прибытия – стрелявший бросил здесь каску, куртку, сумку с инструментами, могут найтись другие важные улики.

Павел мчался в больницу и, злорадствуя над самим собой, думал: «Вот тебе и четверг, вот тебе и четверка, приносящая удачу».

Глава 2

БЕЛЫЕ ХАЛАТЫ

Помимо генерала Свентицкого еще для одного героя нашего повествования четверг ознаменовался нежелательными контактами с людьми в белых халатах – в этот день комиссовали Государственного советника юстиции 3-го класса, помощника генерального прокурора Александра Борисовича Турецкого.

Строго говоря, это было одно из его многочисленных общений с миром медицины, поскольку многие недели теперь уже бывший «важняк» Турецкий проводил в поликлиниках и госпиталях. Контузию и ранения он получил, когда спасал от юной террористки детей – заложников, изолированных в помещении детского дома.

Турецкий со своим другом Денисом Грязновым, директором частного сыскного агентства «Глория», привезли в этот детдом подарки от Генеральной прокуратуры и МВД и оказались неожиданно перед фактом проведения теракта.

Александр Борисович считал, что родился под счастливой звездой. Из каких только передряг не выпутывался он – описать невозможно. Ему стреляли в спину, на него набрасывались с ножом, с топором, даже с бензопилой, дважды взрывали его машины, устраивали автокатастрофы, однако каждый раз он, словно заговоренный, выживал, хотя ранений было предостаточно. При этом и его бдительность не притупилась. Турецкий прекрасно понимал, что раз от раза вероятность того, что «косая» не промахнется, увеличивалась. Он по-прежнему был начеку, не особо лез на рожон, не бравировал своим везением. А в случае с детским домом «важняк» попал в безвыходное положение, слишком много тогда стояло на кону – жизни десятков детей.

До этого ему уже пришлось однажды освобождать заложников. Это случилось в Назрани, где боевики захватили его местных помощников – девушку-парикмахершу и ее жениха. Там по-настоящему пришлось туго. Молодую пару держали в хорошо охраняемом подвале стоящего на отшибе дома, боевиков было очень много, пятнадцать человек. К тому же прилетевший из Москвы Турецкий слабо знал и город, и людей. Рискованная была операция. Однако обошлось, никто из его команды – а там сотрудничали и следователи прокуратуры, и милиция, и спецназ МЧС – не пострадал. Пятерых боевиков убили, десятерых арестовали. Тогда Турецкий наряду с другими был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством».

На первый взгляд, с детским домом ситуация могла показаться более легкой. Но это только на первый взгляд. Карты спутало то, что террористка вела себя совершенно по-идиотски. Наблюдая за ней, все только диву давались. Позже выяснилось, что она была напичкана лошадиной дозой наркотиков. Девушка начала психовать, процесс грозил стать неуправляемым. Дело могло кончиться чудовищной бедой, ничто не могло остановить руку, взявшуюся за контакты взрывателя. Чтобы избежать страшных последствий, Турецкий, улучив момент, бросился на девочку, схватив ее в охапку, прижал к себе и выпрыгнул вместе с ней через окно второго этажа.

Он решил, хотя понимал, что, спасая детей, погибнет. Вышло иначе. Упав со второго этажа, следователь и девочка откатились друг от друга, следом за ними из того же окна выпрыгнул Денис Грязнов, оказавшись между террористкой и Турецким. И в тот же миг организатор преступления привел в действие взрыватель. Прогремел взрыв. Девочка и Денис погибли на месте, а Турецкий отделался тяжелой контузией и многочисленными ранениями. Вся правая сторона тела, рука, нога были нашпигованы осколками, для извлечения которых понадобилось множество операций.

Помимо Дениса и Александра Борисовича пострадала жена Турецкого: у Ирины, лежавшей тогда в роддоме на сохранении, при трагическом известии случился выкидыш. Главное – медики договорились ее оберегать, не говорить неприятное известие раньше времени. Им казалось, приняты все меры предосторожности. Так нет же – медсестры включили телевизор, где шел репортаж с места трагического происшествия, и Турецкий был назван в числе погибших.

У Турецких была уже дочка пятнадцати лет, Нина. Теперь должен был родиться сынок, да вот не повезло. Другого такого шанса не будет, возраст жены не позволит.

Александр Борисович лечился долго, провел в госпитале почти полгода. Врачи успокаивали, мол, дело идет на поправку, и были в этом искренни. Тем не менее проявлялись всякие рецидивы. Все, казалось, выздоровел, можно выписываться. Ан нет – в последний момент врачи находили что-то новое. Турецкий горько шутил: болезнь отступила... в другие пять органов. Справились с ногой – заныл позвоночник, голову повернуть невозможно, такая боль начинается.

С грехом пополам организм привел себя в порядок, однако теперь Александр Борисович постоянно жил под угрозой, что в любой момент может опять заболеть. Естественно, вида не показывал, вел себя умно. Понимал: если станет излишне хорохориться, вызовет подозрения. Поэтому спокойно воспринимал всякие замечания врачей, выполнял их рекомендации, надеясь своей покорностью усыпить бдительность эскулапов.

Однако те тоже не у плетня родились. Знают, насколько можно доверять пациентам. Они предпочитали полагаться на выводы науки. Благо, нынче имеется совершенная медицинская аппаратура, заменяющая самых патентованных диагностов. Поэтому в четверг Александра Борисовича привозили в ведомственный госпиталь, где вручали целый список специалистов, которых ему предстоит посетить. У него в глазах темнело: мать честная, это же сколько кабинетов обойти нужно! Какая прорва времени понадобится!

Однако делать нечего, и он, уже привычно опираясь на палочку, отправлялся в путь.

Вот и в последний раз, чтобы каким-то образом систематизировать движение, решил начать посещение кабинетов по мере возрастания номеров. Начал с 202-го, тут сидела отоларинголог. Врач – молодая женщина, изящная, сексапильная блондинка с ярко накрашенными губами, при виде нее у Турецкого сразу появилось игривое настроение.

– Вы ухо-горло-нос? Значит, на трех ставках работаете? – с серьезным видом пошутил он.

Женщина прыснула, однако тут же взяла себя в руки и велела пациенту сесть на стул в дальнем углу кабинета и повторять за ней слова, которые будет произносить.

– Шестьдесят шесть, – негромко произнесла она.

– Шестьдесят шесть, – словно эхо, отозвался Александр Борисович.

– Шестьдесят семь.

– Шестьдесят семь.

– Двести сорок восемь.

– Двести сорок восемь.

– Тысяча двести сорок два.

– Ледовое побоище на Чудском озере.

– Что вы сказали? – с недоумением уставилась на него отоларинголог.

– Я говорю, что в тысяча двести сорок втором году войска Александра Невского разбили тевтонских псов-рыцарей на льду Чудского озера.

Врач опять прыснула и снова быстро взяла себя в руки, даже насупилась:

– Вы до того дошутитесь, что я так и запишу ваши ответы. А читать это будет серьезная комиссия, там могут и не понять шуток.

– Ну, записывать не надо, – улыбнулся Турецкий. – Это у меня чисто нервное. Беру все свои безответственные слова обратно и как человек, обладающий безупречным музыкальным слухом, торжественно обещаю отныне повторять все с магнитофонной точностью.

Претензий у отоларинголога к нему не было, и Александр Борисович покинул кабинет с полной уверенностью, что дальнейший путь будет напоминать прогулку. Однако чем дальше ходил, тем менее оптимистично выглядели после беседы с ним врачи, и Турецкий, почувствовав это, не на шутку встревожился.

Пожилой врач-кардиолог, измерив ему давление, недовольно поджал губы.

– Что-нибудь не в порядке?

– Да нет, ничего особенного. Но бывает давление и пониже.

Турецкий всплеснул руками:

– Неужели в вашей практике встречались такие случаи?

– Представьте себе.

– Доктор, но мое повышенное давление легко объяснимо. Я же волнуюсь. Я вообще боюсь медицинских учреждений. Даже когда на улице прохожу мимо больницы, у меня поднимается давление. Врожденный «синдром белых халатов».

– Такова ваша версия? Что ж, поверим и сейчас сделаем кардиограмму. – Врач посмотрел на Турецкого, затем перевел взгляд на поставленную возле стола палочку. – Вот на беговой дорожке мы вас тестировать не станем...

– Почему же, доктор? – удивился Александр Борисович, вставая. – Проверяйте сколько угодно. Я уже третий месяц хожу без проблем и даже могу бегать на длинные дистанции. Если вас смутила моя палочка, то я ношу ее только потому, что требует жена. Не хочется ссориться с супругой по пустякам. Можно, конечно, случайно забыть в метро. Но вещь дорогая, досталась в наследство от дедушки, полковника Преображенского полка...

– Скажите, пожалуйста! – неискренне изумился врач.

Это был предпоследний кабинет. От кардиолога Турецкий направился к невропатологу. Кабинет Михаила Генриховича недавно оснастили новейшим импортным оборудованием, и он с ребяческой непосредственностью радовался каждому посетителю.

Предложив Турецкому раздеться до пояса, невропатолог усадил его на стул и, чем-то помазав, облепил тело всевозможными датчиками на тонких проводках. После этого, надев очки, уселся перед экраном монитора, на котором поплыли понятные ему цветные волнообразные линии. Доктор пристально вглядывался в них, переключал тумблеры, делал распечатки, сравнивал их, что-то записывал.

Минут через пятнадцать Александр Борисович спросил:

– Ну что, доктор, все мои мысли уже прочитали или еще немножко осталось?

Пропустив его слова мимо ушей, Михаил Генрихович спросил:

– Вас бессонница не мучает?

– Чего нет, того нет. За последние полгода я изрядно отоспался.

– На головные боли жалуетесь?

– Спасибо, нет. Я вообще ни на что не жалуюсь.

– Так болит голова или нет? – переспросил врач, на мгновение оторвав свой взор от монитора.

– Нет. Я же не мешаю водку с пивом. В госпитале не было ни того, ни другого. К сожалению.

– Не острите. Когда последний раз теряли сознание?

– Кажется, во время взрыва.

– Врете вы неискусно, Александр Борисович. Если бы не аппаратура, вы бы запросто обвели меня вокруг пальца. А так...

– Я сейчас, Михаил Генрихович, хоть убейте, не могу вспомнить, когда последний раз терял сознание. Так давно это было. Могу только сказать точнее всякой аппаратуры, что чувствую себя хорошо. Абсолютно так же, как, к примеру, год назад. Во всяком случае, кочергу узлом завяжу.

– Завяжете? – поддержал его ироничный тон доктор. – А развязать сможете?

– Ну, если срочно понадобится помешать уголек в камине, то развяжу.

– Действительно, вам силу девать некуда, – произнес невропатолог, снова уставясь на экран монитора. – Это меня радует, даже очень.

Однако интонация доктора была отнюдь не радостной. Александр Борисович почувствовал это и покинул кабинет с унылом видом. Теперь нужно было идти к главному врачу, который и вынесет окончательный вердикт. Следователь сидел в приемной, нервно покусывая губы. Нестерпимо хотелось курить, однако он боялся отойти – вдруг как раз его пригласят, ему не терпелось услышать выводы комиссии.

Одни врачи входили в кабинет главного, другие выходили из него. Вошел кардиолог, следом за ним невропатолог Михаил Генрихович. Через несколько минут вышла блондинка-отоларинголог. Турецкий подмигнул ей, однако та отвела взгляд, из чего следователь сделал вывод, что дела его складываются не лучшим образом. Если бы было хорошо, наверное, блондинка подмигнула в ответ, мол, все в порядке. А раз прошмыгнула, словно мышка, не глядя на него, значит, дело швах.

Турецкий не находил себе места: хуже нет этой неопределенности.

Наконец, из кабинета выглянула пожилая женщина в роговых очках и сухо обратилась к нему:

– Александр Борисович, можете зайти.

Глава 3

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Свадьба Инны и Антона Плетневых состоялась девять лет назад. Это было веселое гулянье в банкетном зале только что открывшегося ресторана в одном из спальных районов Москвы, в Медведкове. Сама Инночка родом с Украины, из Днепропетровска, поэтому оттуда приехало много ее родственников и друзей. Со стороны жениха пришли в основном его ровесники – друзья детства. Молодые выглядели очаровательно. Инна – жгучая брюнетка с голубыми глазами. Даже длинное свадебное платье не могло скрыть достоинств ее фигуры, – высокая, статная, с тонкой талией. Под стать ей светловолосый Антон, с лица которого весь вечер не сходила счастливая улыбка. Пытался заставить себя держаться солидной – все-таки с сегодняшнего дня муж, глава семейства, да не удалось. Сиял как медный таз.

Окажись на свадьбе какой-нибудь пророк и предскажи он, сколько испытаний обрушится на голову Антона через несколько лет, никто бы не поверил. А между тем жизнь развивалась по худшему сценарию.

Все началось с трагической гибели Инны. Причем произошло это настолько нелепо, что не укладывалось в голове. После работы она направлялась за Васяткой – мальчику шел шестой год – в детский сад. В принципе, туда можно доехать на автобусе. Но они так плохо ходят, а погода хорошая, и Инна решила пойти пешком. Не по улице, а через пустырь, чтобы сократить дорогу. Было не поздно, идти недалеко, и надо же такому случиться, что на ее пути попались пьяные хулиганы. Что можно ожидать от негодяев, навстречу которым шла молодая красавица?! Они изнасиловали ее, а потом убили.

Вот с тех пор все и пошло наперекосяк. Плетнев в то время служил в миротворческом контингенте в Косове. Узнав о смерти жены, Антон вернулся в Москву. Он был близок к помешательству, знакомые боялись, что руки на себя наложит. Поддерживало его только то, что есть маленький сын, которого нужно растить и оберегать. Однако дал себе клятву, что разыщет убийц Инночки и расправится с ними. У него появилась цель.

На проведение собственного расследования у него ушло немного времени. Он разыскал-таки мерзавцев и убил их. А убив, явился в милицию с повинной. В ту самую милицию, которая считала дело о гибели Инны Плетневой «глухим всяком».

Антон действовал по понятиям, многие силовики в душе одобряли его действия. Правильно сделал, что расправился с этими извергами. Но закон есть закон. Нужно ли говорить, какой срок ему светил при неблагоприятном исходе дела? Однако в прокуратуре многие, в том числе и Турецкий, скорее одобряли его, чем осуждали. Александр Борисович, проникшись симпатией к бывшему спецназовцу и его сынишке, приложил много усилий. Он сделал так, что старший Плетнев очутился на принудительном лечении в психиатрической больнице. К сожалению, не учли другого обстоятельства: отца-психа лишили отцовства.

Вскоре после того в прямом и переносном смысле слова нашумевшего взрыва вышедший из комы Турецкий, подозревавший, что главным исполнителем теракции мог быть кто-то из бывших спецназовцев, перешедшим в наемники, благо они требовались в горячих точках, предложил разыскать Антона. А Меркулов, чтобы помочь Плетневу устроиться в жизни, постарался вернуть ему отцовство и устроил на работу в «Глорию».

Александр Борисович познакомил Антона с остальными сотрудниками «Глории». Относились к нему хорошо, но все же как к подмастерью. Да и немудрено, нельзя же освоить специфику расследований за считанные недели. Но Антон старался, внимательно выслушивал все советы, выполнял любые задания. Александр Борисович и сам, чтобы не сидеть без дела, взялся помогать друзьям из сыскаго агентства. И таким образом, Антон был как бы у него под рукой.

У того руки чесались провести самостоятельное расследование. Однако Антон терпеливо ждал своего часа, набирался ума-разума.

Неизвестно, сколько бы ему пришлось еще ждать, да очередная (увы, о них что ни день слышишь) напасть подстегнула: сегодня утром он узнал из телевизионных новостей о гибели генерал-лейтенанта Свентицкого.

В свое время, после училища, Плетнев подался в разведывательно-диверсионную группу спецназа, был отправлен в Анголу. Вернувшись на родину, Антон служил на Северном Кавказе, в том числе и под командованием Свентицкого, после чего, уже будучи майором, вместе с ним отправился в Косово. Андрей Владиславович сделал ему много добра. Лет пятнадцать прошло с тех пор, он его хорошо помнил. А когда майор после гибели Инны запил по-черному – был у него и такой период, правда, короткий, – потом оказался в психушке, а сын попал в детский дом, Свентицкий неожиданно опять возник в его жизни. Оказалось, он тоже хорошо помнил своего бывшего бойца.

Поэтому, услышав трагическое известие, Плетнев решил наплевать на всякие условности и направился к заместителю генерального прокурора.

Когда Антон, одуревший от звонков с просьбой оформить пропуск, вошел в кабинет Меркулова, Константин Дмитриевич разговаривал по телефону. Он выразительным жестом пригласил Плетнева сесть.

– Верится с трудом, – сказал заместитель генерального невидимому собеседнику. – Просто такая новость в голове не уместается. Я очень прошу вас, Владимир Михайлович, переслать мне ваше решение по факсу.

– Здорово, – улыбнулся он Антону, положив трубку. – Что-то давненько тебя не было видно. Как Васька-то поживает?

Не дождавшись ответа, он подошел к факсу, откуда пополз лист бумаги. Сосредоточенно прочитав его, Константин Дмитриевич вернулся на свое место. Взглянул на Плетнева:

– Вид у тебя шибко смурной. Давно тебя таким не видел.

– Вы слышали, Андрея Владиславовича Свентицкого убили?

Заместитель генерального дочитал полученную факсограмму, положил ее на стол и враучительно сказал Антону:

– Телевизор меньше смотреть надо, радио реже слушать, тогда и паники не будет. Жив Андрей Владиславович, жив. Правда, тяжело ранен, сейчас находится в Склифе. А что ты так всполошился?

– Так ведь это мой боевой генерал, столько вместе пройдено – и на Северном Кавказе, и в Косово.

Слава богу, что выжил. А-то я уже места себе не находил.

– Ты, Антон, не горячись, успокойся. Сейчас мы позвоним и выясним, как бедолага себя чувствует. – Меркулов набрал номер. – Какие новости слышны насчет покушения на Свентицкого?

Выслушав подробное сообщение собеседника и поблагодарив его, Константин Дмитриевич рассказал, что удалось узнать:

– Задержать преступника, или преступников, пока не удалось. Показания дает только водитель генерал-лейтенанта, других свидетелей не нашли. Стрелял в Свентицкого один мужчина, он, разумеется, убежал. Водителю показалось, что по пути к нему присоединился напарник, однако полной уверенности в этом нет. Пули, которые обнаружили в теле генерала, от пистолета Макарова.

– А пистолет бросили?

– В том-то и дело, что нет. То ли по неопытности, то ли по наглости.

– Может, еще по жадности, – хмыкнул Антон. – Все-таки машинка приличных денег стоит.

– Возможен и такой вариант, – согласился Меркулов. – Кстати, все чаще встречается. Что касается состояния Андрея Владиславовича, то оно тяжелое. Как поступил в больницу, так улучшений пока нет.

– Водитель дал словесный портрет?

– Нет. Сначала тот был в строительной каске, к тому же генерал его загоразивал от водителя. А после выстрелов тот бежал спиной, лица не было видно.

Только рост – высокий, и сам худощавый. Водитель сразу бросился к генералу – тот дышал, и рванул с ним в госпиталь. Не до погони за стрелявшим ему было, важнее спасти раненого.

– Почему он повез его в госпиталь, а не в ближайшую больницу?

Меркулов одобрительно покачал головой:

– Зришь в корень. Оказалось, случайное совпадение: именно госпиталь был ближе от места преступления.

– Константин Дмитриевич, – решительно сказал Плетнев, – я хочу разобраться в этом деле. Попросите Турецкого, если он будет вести расследование, взять меня в свою бригаду. Чтобы мне действовать на законных основаниях. Иначе я поведу частное расследование.

– погоди, не гоношись, – осадил его зам генерального. – При чем тут Турецкий, голова садовая? Произошло покушение на генерал-лейтенанта, сотрудника штаба. Сейчас все материалы пойдут в военную прокуратуру, это их епархия. Их сыскари уже наострили уши. Мы к этому делу имеем крайне опосредованное отношение. Начальник городского ГУВД собрал группу, которая обеспечивает оперативно-розыскные мероприятия в районе. Что еще нужно?!

– Интуиция мне подсказывает, что кроме Александра Борисовича тут никто...

Антон не успел договорить, потому что распахнулась дверь и в кабинет ввалился Турецкий. По тому, как он вошел – взлохмаченный, с плотно сжатыми губами, – было видно, что следователь предельно взвинчен и возбужден. От него исходила злая энергетика. Заместитель генерального знал: когда Александр Борисович находится в таком состоянии, ему лучше не перечить.

– Дмитрич, коновалы там совсем охренели в этой ветлечебнице! – звонко выкрикнул Турецкий.

– Во-первых, здравствуй, друг мой, – сказал Меркулов, и его спокойный тон благотворно повлиял на разгневанного следователя.

– Здорово. Жаль, не могу сказать: добрый день.

– Здравствуйте, Александр Борисович.

– Привет, Антон.

Турецкий подошел к столу Меркулова и увидел на факсограмме логотип со знакомым названием ведомственного госпиталя.

– А-а-а, так тебе уже эта мультка известна? – протянул он.

– Я все-таки не случайный человек.

– Ишь как четко в ведомственной лечебнице налажена доносительская система. И конечно, решение анонимное, коллегиальное, конкретно спросить не с кого?

– Да нет, спрашивай сколько душе угодно, тут все фамилии, должности и научные звания указаны... Саша, да не маячь ты перед глазами, присядь.

Турецкий не шелохнулся. Видя, что дело принимает такой оборот, когда собеседникам не нужны лишние свидетели, Плетнев хотел уйти, однако Константин Дмитриевич попросил его остаться:

– Тебе это будет интересно... Послушай, Саша, что они написали. – Он надел очки и взял бумагу: – «В связи с состоянием здоровья не рекомендованы чрезмерные физические нагрузки. При стрессовых ситуациях возможны приступообразные головные боли, потеря сознания, приступы немотивированной агрессии...»

- Ну, сейчас-то моя агрессия мотивирована.
- Саша, успокойся. И сядь ты, в конце концов!
- Ноги есть, могу и постоять. Это для меня не чрезмерная физическая нагрузка. Стоять врачи мне разрешили.
- А сидеть?
- Только в седле.
- Ну, как хочешь, – махнул рукой Меркулов и продолжил чтение: – «В связи с вышеперчисленным Турецкий А. Б. не может продолжать трудовую деятельность в Генеральной прокуратуре РФ». И все подписи, можешь полюбоваться. Врачи действуют с открытым забралом.
- Круто размахнулись ребята.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Написали бы, скажем, что мне нельзя работать в специальном отделе по расследованию бандитизма и убийств. Мне подобрали бы работу полегче.
- Что нужно, то и написали. Они же отвечают за пациентов.
- Ну, так! Отважный народ – эти люди в белых халатах. Просто на амбразуры бросаются, грудью их закрывают. Кстати, ты не в курсе дела, как Барковский в прошлом году прошел со своей супергипертонией комиссию? Один ящик «Мартеля» им притащил или два?
- Два ему с такой гипертонией не дотащить, – улыбнулся Константин Дмитриевич. – Вот тебе это вполне по силам. Или денег не хватает?
- Однако Турецкий не был настроен шутить. В поисках серьезного собеседника он повернулся к Антону:
 - Кстати, заместитель генерального прокурора утаил от общественности самую важную фразу. Она тут, в конце, притулилась, как бедная родственница. – Александр Борисович взял факсограмму и прочитал: – «Присваивается третья группа инвалидности». И это мне – человеку, который здоров, как Илья Муромец. – Он разорвал бумагу на мелкие кусочки. – Я требую повторной, независимой комиссии!
 - Может, ты еще обратишься в Страсбургский суд? – съязвил Меркулов.
 - Вполне возможно. Вы своим волюнтаризмом доведете человека и до Страсбурга, и до Гааги.
 - Валяй. И они не моргнув глазом припают тебе вторую группу инвалидности. Мне же стоило больших трудов добиться всего этого.
 - Ага! То есть ты хочешь сказать, что я должен быть тебе еще и благодарен? Спасибо тебе, Костя, огромное. Низкий тебе земной поклон. Если в следующий раз захочешь кому-нибудь помочь таким образом, сразу торжественно вручи пистолет с одним патроном.
 - Турецкий, не носи чушь! Ну что ты сгущаешь краски! Что ты видишь во всем происки недоброжелателей! Ведь на все происходящее можно смотреть и сквозь розовые очки. Во-первых, тебя представили к государственной награде. Во-вторых, ты можешь продолжать работать, на прокуратуре же свет клином не сошелся. В-третьих, ты можешь заниматься необременительной преподавательской деятельностью, что, по-моему, у тебя хорошо получится. Я, кстати, зондировал почву в Академии, они заинтересовались. В конце концов, в запасе имеется родственная душа – «Глория», где ты всегда был своим человеком.
- Александр Борисович уставился на него немигающим взглядом, в котором намек не было на привычную насмешливость, и после томительной паузы произнес:
 - Получается, ты уже все за меня решил? Вот так просто – взял и списал меня. Время движется вперед, извини-подвинься, Турецкий! И клеймо на лбу припечатали: контуженный инвалид! Чтобы в автобусе, значит, место уступали. Зато здесь мое место остается пока свободным. Или ты уже кого-нибудь взял вместо меня, а? – Он опять уставился на Меркулова и, не дождавшись от него ответа, сказал: – Ну, хорошо. Валяйте, работайте без меня. Хочу посмотреть, как это у вас получится...

Неожиданно Александр Борисович покачнулся, схватился за спинку стула, тот под его тяжестью свалился. Да и следователь упал бы, не подхвати его вовремя Антон. Однако Турецкий, вместо того чтобы поблагодарить здоровяка за помощь, огрызнулся:

– Убери руки! Я не ребенок, чтобы меня опекали няньки.

В другое время бывший спецназовец обиделся бы до слез, настолько несправедливы были эти слова. Но сейчас Плетнев сделал скидку на болезненное состояние уволенного «важняка». Понял душевное волнение Александра Борисовича и Меркулов. Не стал выговаривать ему за хамство. Молча налил из графина воду в стакан и протянул его Турецкому. Тот отмахнулся от стакана, вытащил из нагрудного кармана рубашки удостоверение и бросил его на стол. После чего решительно направился к выходу. Возле самой двери он, словно что-то вспомнив, повернулся к хозяину кабинета:

– Оружие в сейфе. Как всегда.

– Саша... – начал было тот, однако Турецкий с горячностью перебил его:

– Орден, если дадут, можешь повесить себе. Лишняя железяка не помешает.

Он вышел, демонстративно хлопнув дверью. Причем с такой силой, что секретарша в приемной была близка к обмороку.

– Горяч, Александр Борисович, ох, горяч, – покачал головой Меркулов после ухода бывшего «важняка». – Порох. Только тут уж ничего не поделаешь, его тоже можно понять. – С минуту помолчав, он обратился к Антону: – Значит, ты желаешь заниматься делом генерал-лейтенанта? Что ж, ситуация в этом смысле складывается благоприятная. У меня с людьми сейчас напряженка, да и в агентстве, насколько мне известно, свободных рук нет. Безусловно, ты будешь по-прежнему числиться в «Глории». У меня есть опытный человек, с которым у тебя может получиться хороший тандем. Твоя энергия плюс его опыт – такой сплав дорогого стоит. Согласен работать в связке?

– Разумеется.

– Значит, будешь вести расследование о покушении на генерал-лейтенанта вместе с Турецким.

Антон вытаращил глаза от удивления:

– Так ведь только...

Остановив его жестом, Меркулов посмотрел на часы:

– Сейчас половина одиннадцатого. Примерно через три часа Турецкий поостынет и будет вновь готов заниматься любимым делом. Правда, потом будет разговор с женой, Саша опять психанет, еще на несколько часов выйдет из игры. А потом... потом с ним можно работать. Короче говоря, завтра утром можешь смело звонить ему и обо всем договариваться.

После завтрака Ирина Генриховна бойко хлопотала на кухне: натирала свеклу, морковь, шинковала перец и капусту, резала мясо. Украинский борщ был ее фирменным блюдом, которым постоянно восторгались все, кому довелось его хоть раз попробовать. Но все же украинский – это исключение из правил, ее коньком по-прежнему оставалась не острая прибалтийская кухня. Она с детства часто гостила у своей тетки в Паланге. А у той в хлебосольном доме часто принимали гостей. Поэтому первейшими блюдами в кулинарном репертуаре Турецкой считались цеппелины и особенно свиная отбивная – жирная, размером с тарелку.

Когда муж работал в прокуратуре, Ирина Генриховна готовила обед только по выходным. В будние дни Саша уходил ни свет ни заря, возвращался поздно, самой же ей было достаточно перехватить что-нибудь на скорую руку. Выпьет кофе с бутербродом – и достаточно. Однако с тех пор как Саша после ранения бюллетенил, приходилось готовить регулярно, каждые два-три дня. Сегодня сварит борщ, поджарит рыбу, сделает заправку для салата, и еды хватит до понедельника.

Услышав звук открывающейся двери, она крикнула:

– Шуринька, это ты?

– А кто ж еще явится в такую рань! – отозвался он.

– Я не могу отойти, слежу за рыбой в духовке.

– Ничего страшного.

Стоя у плиты, Ирина Генриховна слышала, как муж возится с книжными полками: отодвигает стекла, чертыхается, достает книги, которые потом шумно шлепаются одна на другую. Значит, на место не возвращает.

Когда, освободившись, она вошла в комнату, увидела, что Александр Борисович, даже не сняв куртку, стоит на табуретке у книжного шкафа и что-то ищет на верхней полке, периодически бросая книги на диван. Там уже накопилась такая гора, что последние сползли на пол.

– Где же мой Хемингуэй? – бормотал Турецкий и с раздраженным видом повернулся к жене: – Ира, почему у нас ничего не стоит на месте?! Куда ты дела моего Хемингуэя?!

– Не брала я его. Мне вполне хватит моего Довлатова.

– Куда же он, дьявол, тогда сам делся? Настольная книга, можно сказать. Я всегда держал его на этой полке... А вот и он!

Александр Борисович достал книжечку в мягком переплете, осторожно – зато без палочки – сошел с табуретки и плюхнулся в стоявшее в углу кресло. Открыв книгу, сделал вид, что углубился в чтение.

Тем не менее жена поинтересовалась:

– Что ты делаешь?

– Ремонтирую мотоцикл. – Оторвавшись от книги, он уставился на Ирину Генриховну: – Ну что за вопросы ты задаешь! Сама же прекрасно видишь, что я читаю. Не понимаю, что за манера спрашивать очевидные вещи?

– А это, – она кивнула на диван, – кто за тебя уберет? Пушкин? Или, возможно, Хемингуэй?

– Не беспокойся, сам уберу. Не буду отрывать Эрнеста от дела. Теперь у меня времени навалом. Только сперва почитаю. Я восемь лет ничего не читал, кроме протоколов следствий. Теперь у меня появилась возможность почитать свою любимую книгу. Этим я и займусь, пока не разучился складывать буквы в слова. А потом уберу книги с дивана на исконное место. И предварительно протру их влажной тряпочкой от пыли.

– Шура, я знаю про комиссию.

– «Старик был худ и изможден, затылок его прорезали глубокие морщины, а щеки были покрыты...» Нет, не то, – сказал он сам себе и посмотрел на жену: – Знаешь? Это великолепно. Это звучит гордо. Сама Меркулову звонила или как?

– Он позвонил.

– Такой вариант тоже можно было предположить. Проявляется всесторонняя забота о человеке. Чтобы к его приходу были готовы грелка, клизма и прочие медикаменты повседневного быта. – Он перелистнул несколько страниц. – А, вот, нашел. «Ты губишь меня, рыба, – подумал старик. – Это, конечно, твое право. Ни разу в жизни не видел существа более прекрасного, спокойного и благородного, чем ты...»

– Ты огорчаешь меня, Шурик, – в тон его словам сказала Ирина Генриховна. – Это, конечно, твое право. Костя действительно ничего не мог сделать. Ты же знаешь его характер. Разве он стал бы кривить душой? Не из того теста.

– «Ну что ж, убей меня. Мне уже все равно, кто кого убьет», – прочитал вслух Турецкий и захлопнул книгу. – Вы что – сговорились, что ли, объяснять мне прописные истины?!

– Ты бы куртку снял, – вместо ответа сказала жена.

По-прежнему держа в руке «Старика и море», он встал и вышел в коридор. Ирина Генриховна следовала за ним.

– «К тому же, – подумал он, – все, так или иначе, убивают кого-то или что-то, – продолжил декламацию Турецкий. – Рыбная ловля убивает меня точно так же, как и не дает мне уме-

реть». Отлично сказано, господа. Ай, славно! И когда только старик Хэм успел изучить мою биографию! Я не знал, что у него были связи в нашей Генеральной прокуратуре!

Александр Борисович снял куртку, направился в ванную, и только сейчас ему в глаза бросился празднично накрытый стол. Старинный сервиз, серебряные приборы, хрустальная салатница. Завершали картину дорожные финские салфетки, на которых были нарисованы аккуратные домики на устланном валунами берегу моря. Турецкий знал, что жена выставляет такие салфетки на стол только по праздникам. Он опешил:

– Что такое? Вас ист дас?

– Скоро будем обедать.

– Ба, ба, ба! Рюмочки наготове, семга, баклажаны, элитные салфеточки... Погоди, душа моя, кажется, ты собралась отметить какое-то радостное для тебя событие?... Ах да, конечно, мое увольнение! – сардонически захохотал он. – Как я только сразу не догадался. Мечты сбываются. Ты же ждала этого всю жизнь. Сегодня на твоей улице праздник!

– Прекрати, Турецкий, не фиглярничай! – нахмурилась Ирина Генриховна. – Ты придираешься ко всему подряд. Это просто обед. Я понимаю тебя, сочувствую твоему горю. Однако от того, что тебя уволили из прокуратуры, земля не перестала крутиться и солнце не выключилось.

– Но хотя бы ты выключилась! – закричал Турецкий. – Я не хочу слушать эту мелкую философию на глубоких местах в своем собственном доме! Да, Волга по-прежнему впадает в Каспийское море. Да, лошади по-прежнему жуют овес. И все-таки что-то существенное в нашей с тобой жизни изменилось. Не замечать этого может только слепой!

– Значит, ты считаешь, это – самое страшное, что случилось с нами за последнее время? – спросила жена, вплотную подойдя к нему. – Ответь, если оно так. У меня насчет этого другое мнение, но от тебя я готова выслушать любые, самые вздорные слова. Надеюсь, ты догадываешься, почему так происходит? Совершенно верно: потому что ты мой любимый человек, Турецкий. Я люблю тебя такого, какой ты есть. Но сейчас ты ведешь себя, будто капризный, зажавшийся ребенок. В такие моменты я не желаю тебе потакать.

– Тогда не спрашивай меня, почему я сейчас уйду, хлопнув дверью.

– Как ты мог заметить, я тебя давно ни о чем не спрашиваю. Во всяком случае, о том, о чем способна догадаться сама.

Александр Борисович схватил с вешалки куртку и направился к выходу. На пороге квартиры он на минуту замешкался, а потом осторожно прикрыл дверь.

Ирина Генриховна, вздохнув, опустилась на стул. Пускай Шурка побродит по улицам, малость остынет. Когда вернется, то будет таким, каким все привыкли видеть его: сдержанным, рассудительным, веселым. Не так уж долго придется ей ждать, даже еду можно не убирать в холодильник.

Глава 4

ЧИСТАЯ МАШИНА С ГЯЗНЫМ НОМЕРОМ

Меркулов оказался прав: когда на следующее утро Антон позвонил Александру Борисовичу, тот разговаривал с ним, как обычно: спокойно и чуть насмешливо. Терпеливо выслушав его соображения по поводу расследования покушения на генерала Свентицкого, согласился встретиться вечером. Правда, сказал, что не знает, где будет находиться до этого времени. Договорились, что Антон, когда освободится, позвонит ему на мобильник.

Сначала Плетнев намеревался съездить в госпиталь к генерал-лейтенанту на машине. Однако вспомнив, какие чудовищные пробки в первой половине дня начинаются чуть ли не от его дома в сторону центра, махнул рукой и отправился на метро.

Накануне он узнал, что врачебный обход кончается около двенадцати. К этому времени и приехал.

Первое серьезное препятствие его ожидало на проходной госпиталя. Дежурная наотрез отказалась его пропустить:

– К нему пускаем только близких родственников.

– Думаете, я в это поверю?

– Ну, еще сотрудников органов. При наличии подтверждающих документов.

– Я сослуживец генерал-лейтенанта, – доложил Антон. – Вы должны меня пропустить, он в этом сильно заинтересован. Приятные известия вызовут у него положительные эмоции...

– Молодой человек, – перебила его дежурная, – здесь не шарашкина фабрика. Мы обязаны подчиняться распоряжениям начальства. Сказано, к Свентицкому не пускать – и баста.

– Нет, я все равно пройду. – В голосе Плетнева проскользнули угрожающие нотки. – Такой запрет противоречит всякой логике.

Дежурной не понравился его тон, и она обратилась к стоявшему неподалеку охраннику:

– Толик, растолкуй, пожалуйста, мужчине, что у нас режимная организация.

Охранник в черной форме с нашивками «Охранное предприятие „Атлас“ на груди и рукавах вразвалочку приблизился к Антону:

– Ты, наверное, журналиста? Давай, друган, поворачивай оглобли, слишком много вашего брата сегодня понабежало.

– Я не с тобой, салага, разговариваю. Позови начальника смены, – огрызнулся Плетнев.

На его беду охранник в свое время служил во флоте, и морское ругательство рассердило его. Схватив Антона за руку, он сказал:

– Будет тебе начальник смены. Пошли!

– Убери руки! – процедил Плетнев. Он почувствовал, что дело принимает скверный оборот. Сам себя поставил в дурацкое положение. Как теперь из него выкрутиться?

И тут случилось чудо.

Читая детективные романы, Антон всегда насмешливо относился к тем моментам, когда какая-нибудь случайность помогает следователям. То они найдут на месте преступления случайно выроненный убийцей железнодорожный билет с указанием фамилии пассажира, что сразу позволяет схватить его; то объявится свидетель, совершенно случайно среди ночи выглянувший в окошко и запомнивший шестизначный номер машины, на которой уехали грабители; то у «медвежатника» случайно порвется перчатка, чего он не заметит, и на сейфе останутся четкие отпечатки пальцев. Все это писатели выдумывают, вряд ли в жизни бывает такое везение. Однако тут ему невероятно повезло – он увидел Катю Метелицыну.

В другое время такая встреча вряд ли его обрадовала бы, но сейчас старая знакомая, сотрудница госпиталя, подвернулась очень кстати.

Тут следует сделать небольшое отступление и сказать, что на душе у Плетнева был грех – с первых дней знакомства он по-настоящему влюбился в жену Турецкого. Раньше Ирина Генриховна была преподавательницей в музыкальной школе. Но пытаясь быть ближе к мужу, Турецкая закончила специальные курсы по криминальной психологии. Курсанты получали достаточно серьезную подготовку, могли работать и психологами, и психоаналитиками. После происшествия в детдоме в Мневниках Ирина Генриховна занялась психологической реабилитацией детей. Большое внимание она уделила девятилетнему Васе Плетневу, мальчику было необходимо сменить обстановку. Поскольку это требовалось сделать как можно быстрее, она взяла его к себе домой. Александр Борисович ничего не имел против, тем более что они отправили свою дочь Нину учиться в Англию, в кембриджский колледж.

Как ни любил Плетнев сына, у бывшего спецназовца, всегда мало обращавшего внимания на питание и домашний уют, не было возможности уделить мальчику требуемый уход. Тут требовалась женская рука, и Турецкая взвалила на себя эту обязанность.

Она была очень похожа на погибшую жену Плетнева, Инну. Такой же овал лица, глаза, улыбка с ямочками на щеках. Даже цвет глаз совпадал.

Антон всячески пытался скрыть свои чувства, да не всегда удавалось. Вернее, от Ирины скрывал, а вот наблюдательный Турецкий наверняка все понимал. Правда, в своей жене он был уверен, поэтому ревнивых претензий не высказывал, однако в отношениях с Плетневым иногда проскальзывала напряженность.

Ирина Генриховна не догадывалась о чувствах своего тайного воздыхателя. Более того, она хотела устроить его личную жизнь и для этого познакомила со своей приятельницей Катей Метелицкой. Это была очень симпатичная женщина, с прекрасным характером, трудолюбивая. Трудно перечислить ее достоинства. Многие подруги, уступавшие ей по всем статьям, выходили замуж, рожали детей. А Катерина до сих пор, ей уже стукнуло тридцать, оставалась одинокой.

Плетнев понравился Кате, они начали встречаться, однако чувства Антона не становились крепче, женщина это почувствовала, потихоньку они расстались и сейчас увиделись после долгого перерыва.

Катя быстро оценила ситуацию и с легкой укоризной обратилась к охраннику:

– Опять ты, Толик, настроен слишком агрессивно. Отпусти, пожалуйста, моего брата.

Видимо, охранник был равнодушен к медсестре. Потому что стоило той попросить его, как он сразу расплылся в улыбке и выпустил свою добычу из рук.

Катя поинтересовалась у Антона:

– Что здесь стряслось?

– Да вот, не пропускают меня к вам.

– Почему? – разыграла она удивление. – Неужели я забыла выписать пропуск? Ах, это Ленка по рассеянности не выписала, а сама пошла обедать. Тетя Надя, возьмите мое удостоверение, потом оформим брату пропуск в шестую токсикологию. На имя Плетнева Антона...

– Владимировича, – быстро подсказал тот «сестре».

– Я и говорю – для Антона Владимировича Плетнева.

Она буквально потянула Антона за собой. Зайдя за угол, спросила:

– В спешке выдумала про токсикологию, а на самом деле тебе куда?

– В хирургию, к генералу Свентицкому.

– На которого было покушение?

– Да. Мне действительно очень нужно пообщаться с ним. Спасибо тебе.

– Не за что. Я же понимаю, что ты идешь не просто так. Это твой командир?

– Бывший. Мы с ним прошли много горячих точек. Андрей Владиславович попадал в разные передряги, и с ним ничего не случилось. А вчера в него стреляли, здесь, в Москве, среди бела дня. И я хочу разыскать преступника.

– То есть как сыщик?

– Начинаящий. Сейчас я работаю в частном детективном агентстве. Раньше я был на подхвате, а сейчас буду вести дело самостоятельно. Ну, то есть вместе с Александром Борисовичем.

– Как поживает сынишка?

– Сейчас более или менее. Я как-нибудь расскажу подробнее, ты мне оставь свой телефон. Или... он не изменился?

– Нет, изменился.

Катя записала ему на всякий случай номер своего телефона, после чего выдала халат и проводила в хирургическое отделение, находившееся этажом выше. По пути узнала у коллеги, в какой палате лежит Андрей Владиславович. Однако это оказалось излишним – в коридоре, возле одной из дверей, Антон увидел двоих военных, майора и старшего лейтенанта. Оба сидели молча, из чего сразу было ясно – это не посетители, а охрана. Специально приставлены к генерал-лейтенанту, как и следовало ожидать.

Плетнев приблизился к ним с деловым видом и хотел пройти мимо, не обращая внимания. Если держаться уверенно, могут подумать, что в халате идет сотрудник госпиталя. Его простенький маневр не обманул майора, который поднялся со стула и преградил ему путь:

– Сюда не положено.

– Я майор Главного разведывательного управления Плетнев, – представился Антон. – Служил с генерал-лейтенантом Свентицким во время операций на Кавказе и в Боснии. Мне сказали, что Андрей Владиславович пришел в себя. Я должен видеть его по важному делу.

– Плетнев? – переспросил майор с уважительной интонацией. – Тот самый? Слышал про вас.

– Где?

– А я с генерал-лейтенантом служил в миротворческих войсках в Косове. Мужики частенько вспоминали вашу фамилию. Вы считались героической фигурой.

– Ну уж. Там особенных поводов проявлять героизм не было, – сказал Антон и добавил проникновенным тоном: – Ты же не штабной, майор. Самому пришлось хлебнуть лиха вместе со Свентицким. Дай пройти, я не надолго. Это займет считанные минуты.

– Нет, нет, нет, и не уговаривайте меня. Генерал в нестабильном состоянии, все-таки очень серьезное ранение. Шутка ли – стреляли в упор. Поэтому не могу пропустить. Приказ есть приказ.

Старший лейтенант поднялся и вразвалочку подошел к ним. Было заметно, что его распирает большое желание отправить настырного посетителя в нокаут.

– Значит, охраняете. Верные ординарцы, – покачал головой Плетнев. – Да вот незадача: в госпитале опасность ему вряд ли угрожает. А где же вы раньше были? Как получилось, что какой-то босяк мог стрелять в упор?!

– А что мы могли поделать? – тихо откликнулся майор виноватым голосом. – Андрей Владиславович всегда от охраны отказывался, мол, он не император, не президент, не олигарх. Честно говоря, одно время мы его дистанционно вели. Затем прознал генерал-лейтенант каким-то образом и в приказном порядке запретил. Да еще такую головомойку устроил! Так что мы ровным счетом не могли ничего поделать.

– А кто же мог стрелять? У тебя на этот счет есть какие-нибудь соображения?

Майор криво усмехнулся:

– Никаких мыслей нет. Мы все в недоумении. Нам в штабе казалось, у такого человека не может быть врагов. И вдруг – на тебе!

В это время неподалеку от них открылась дверь, и в коридор вышли молодая женщина в наброшенном на плечи белом халате и пожилой грузный врач в зеленоватом халате и шапочке – так одеваются хирурги. У него были старомодные очки в темной пластмассовой

оправе, напоминающей роговую. Доктор, жестикулируя, что-то с жаром доказывал женщине, она внимательно слушала. На ее лице ясно читались напряжение и тревога.

– Это жена генерала, Наталья Викторовна, – объяснил сыщику майор.

Кивком поблагодарив майора за информацию, Антон отошел от него и приблизился к беседе.

– В этом смысле можете не сомневаться, – донесся до него сочный басок врача. – Если состояние стабильное, то можно вздохнуть полегче. Разумеется, везение чистой воды. Наверное, таких случаев один на миллион. Чтобы при выстрелах в упор не были задеты жизненно важные органы! Просто мистика. В моей практике такого не было. Только в книгах читал нечто подобное. Организм же у генерал-лейтенанта сильный, сердце хорошее. Выдюжит ваш муж, голубушка, можете не сомневаться. Так что езжайте домой. – Неожиданно он спросил: – Вы пироги печь умеете?.. Значит, будет чем встретить своего благоверного, когда он вернется. А это время не за горами, – ободряюще улыбнулся хирург.

У женщины были прямые темные волосы, подстриженные скобкой, что делало ее похожей на японку. Сходство усиливало светлое лицо. Только японки добиваются такого эффекта пудрой, а Свентицкая была просто бледна. К тому же на лице никакой косметики – глаза не подведены, губы не накрашены. На вид ей было лет тридцать пять.

Антон знал, что это вторая жена генерала, от первой есть взрослая дочь. Слышал, что нынешняя намного моложе Андрея Владиславовича. Да, так и есть, лет на двадцать.

Когда врач замолчал, женщина рассыпалась в благодарностях. Они распрошались. Доктор вернулся в свой кабинет, Свентицкая медленно направилась по коридору к выходу. Антон догнал ее.

– Простите, пожалуйста, Наталья Викторовна. Меня зовут Антон Владимирович Плетнев, – представился он. – Я веду расследование по делу вашего мужа и хотел бы задать вам пару вопросов.

Ее брови удивленно вскинулись:

– Странно. Сотрудники военной прокуратуры назвали мне ограниченный круг лиц, ведущих следствие. Собственно говоря, они были уже представлены. Я не могу давать показания всем подряд. Вы, может быть, предъявите документы?

– Я не из милиции или прокуратуры. Я как бы неофициальный следователь – сотрудник частного детективного агентства. Просто я в хороших отношениях с вашим мужем, служил под его началом, и поэтому хотел бы лично найти преступника.

Наталья Викторовна пристально посмотрела на него.

– Понимаю, – сказала она после паузы. – Он вам помог сделать карьеру, и вы хотите отплатить ему той же монетой. Только этого уже не требуется. Поздно! – Свентицкая перешла на свистящий шепот: – Потому что все надо делать вовремя. И не расследовать покушение, а предупреждать его. Вы кто по званию?

– Майор.

– Я так и подумала. А если бы вы остались капитаном, то и вы бы с удовольствием выстрелили в моего мужа. Потому что он настоящий полководец, личность, не винтик. А вы все – тараканы в погонах! – Ее глаза гневно сверкнули, и она перешла на крик: – Завистливые, амбициозные тараканы, у которых, кроме звездочек и денег, в голове ничего нет.

Теперь вы приходите ко мне со своим сочувствием? Ловко. А оно мне нужно, как собаке пятая нога! Идите к черту!

Ее ругательства и обвинения были настолько несправедливы, что Плетнев оторопел. Даже если учесть, что женщина находится в состоянии аффекта, почему именно такие слова вырываются у нее? Возможно, кто-нибудь из сослуживцев и давал повод, но он-то ни в чем перед генералом не виноват.

Пока Плетнев с остолбенелым видом стоял посреди коридора, Наталья Викторовна сбегала по лестнице вниз. Наконец, Антон пришел в себя и тоже спустился.

Надо же такому случиться, что на крыльце он опять чуть не столкнулся с Натальей Викторовной, чего ему меньше всего хотелось. Она подходила к гардеробу, где взяла свой легкий голубенький плащик, и, надевая его, заметила Антона.

– Что вам от меня нужно? – обернувшись, раздраженно спросила Свентицкая. – Я уже все вам сказала! Вы что, следите за мной?

– Ни в коем случае, Наталья Викторовна. Меня не пустили в палату к генерал-лейтенанту, и я ухожу. Но хочу оставить вам свои телефоны...

– Не надо. Не собираюсь вам звонить!

– Это же вас ни к чему не обязывает.

– Они мне просто не нужны!

– Пускай будут на всякий случай.

– Как-нибудь перебежусь, – огрызнулась она.

– Наталья Викторовна! – повысил голос Плетнев. – Необходимо проявить элементарное благоразумие. Вы должны понимать, что идет охота. Ваш муж едва не стал жертвой. Дальнейшие действия преступников могут быть непредсказуемыми. Вы – самый близкий человек генерал-лейтенанту, у вас должна быть возможность в любое время связаться с нами. – Он засунул визитку в наружный карман ее сумочки. – До свиданья.

– Ладно, – донеслось ему вслед.

Выйдя из ворот госпиталя, она повернула направо, а Плетнев пошел налево.

«Странно жена генерала ведет себя. Ведь Свентицкий выжил, тут следует радоваться, быть со всеми доброй. У нее же совершенно непонятная, противоположная реакция. Спросила, слежу ли я за ней. Естественно, да! У сыщиков своеобразная работа. Иногда для пользы дела можно и прилгнуть. Святая ложь... Посмотрю-ка, кстати, куда наша дамочка направляется», – решил Антон.

Ускорив шаги, он на том углу, где кончился госпитальный забор, свернул направо и, дойдя до переулка, приблизился к проспекту, по которому, по его расчетам, должна была сейчас идти Наталья Викторовна. Тут Антон замедлил шаги, чтобы не попасться ей на глаза, и сделал это вовремя – заметил невдалеке голубенький плащ Свентицкой. Благо, подвернулся старый тополь – ствол невообразимой толщины. Плетнев спрятался за ним и осторожно выглянул.

Наталья Викторовна стояла возле машины, синего «Фольксвагена», и беседовала с каким-то мужчиной – высоким, светловолосым, одетым в роскошный костюм песочного цвета. Тот улыбался, словно слушал что-то забавное. А потом и вовсе рассмеялся, приобняв, чмокнул Свентицкую в щеку и открыл переднюю дверцу. Наталья Викторовна устроилась на переднем сиденье, мужчина сел за руль, и «Фольксваген» уехал.

Плетнев хотел запомнить номер машины, однако, к своему удивлению, увидел, что номерные знаки этой безупречно чистой машины густо заляпаны грязью.

Глава 5

УЗНИК КАФЕ «ФОРТУНА»

Когда Плетнев вошел в маленький, с низким потолком, полутемный зал кафе «Фортуна», посетителей там не было. Это незаметное заведение, находившееся на территории спортивного комплекса, не пользовалось большой популярностью. Только когда здесь проходили международные матчи волейболистов или баскетболистов, часть зрителей после игры оседала в оказавшемся под рукой скромном кафе. В обычные дни, когда трибуны не собирали болельщиков, сюда мало кто заглядывал. Однако для многих сотрудников Генеральной прокуратуры «Фортуна» представляла нечто вроде ведомственного клуба, поскольку владельцем являлся их бывший сослуживец. Для своих товарищей по оружию отставник делал всякие поблажки, начиная с приготовления специальных блюд по заказу и кончая предоставлением кредита.

Несмотря на не столь позднее время, кафе уже готовилось к закрытию. На столиках топорщились ножки перевернутых стульев, что вызывало грустное настроение. Такое бывает на безлюдном осеннем морском берегу, когда деревянные лежаки унесены с пляжа и сложены под навесом, а тишина нарушается лишь тревожными криками беснующихся в поисках еды чаек.

Александр Борисович, в джинсах и в светлом летнем пиджаке, сидел в дальнем углу зала, возле фортепиано с откинутой крышкой. Правой рукой он наигрывал в замедленном темпе мелодию некогда популярного пугачевского шлягера, а другой в это время осторожно наливал из бутылки водку в стоявший на деке винный фужер.

Когда Антон обратился к нему, Турецкий повернулся, и стало видно, что тот изрядно пьян. Это было заметно по его окосевшим глазам, однако речь была совершенно внятной и координация движений более чем нормальной.

– Ты на чем-нибудь играть умеешь? – спросил он, поставив бутылку.

– К сожалению, нет, – признался Плетнев.

– Ни на чем? Даже на какой-нибудь завалящей арфе не играешь?

– Нет, Александр Борисович. – Плетнев не мог понять, говорить серьезно или отвечать абы как, лишь бы отделаться от болтовни пьяного человека. Все же добавил: – Даже на органе не играю. Музыкальным слухом меня природа обделила.

– А-а, это называется – медведь на ухо наступил. Ну, тогда ты напрасно сюда приехал. Умел бы играть, мы бы сейчас с тобой оркестр организовали. Сели бы в подземном переходе, деньги зарабатывали бы. А так, получается, зря. Мотай отсюда.

– Александр Борисович, уже поздно, кафе закрывается. Поехали домой.

Вместо ответа Турецкий царственным жестом взял лежавшую на деке, возле бутылки, книгу в мягкой обложке, наугад раскрыл ее и, поправив очки, прочитал вслух:

– «Я так устал, как не уставал еще ни разу в жизни, – подумал старик, – а между тем ветер усиливается». – Он захлопнул книгу и улыбнулся: – А я, в отличие от него, не устал. И ветер меня не пугает. Нам не страшен ураган. И мне здесь нравится.

– Все равно, посидели – пора и честь знать. Они скоро закрываются.

– Ничего подобного, – с пьяным упрямством произнес бывший «важняк». – Здесь же капиталистическая Европа – работают до последнего посетителя. Сегодня я желаю воспользоваться таким гуманным достижением цивилизации на полную катушку. Буду гулять, пока не придет первый посетитель следующего дня. Передам ему эстафету и тогда уйду с чистой совестью.

– Ну, Александр Борисович, это же явный перебор. Сколько можно сидеть! Вы устали, повара устали, хозяин – и тот к концу дня с ног валится. Пускай идут домой, к своим семьям. Мы тоже уйдем восвояси.

– Мы не уйдем! – Турецкий многозначительно поднял палец. – Мы – уедем!

– Ах да. Вы говорили, что на машине сюда приедете. Где она, если не секрет?

– Да где-то здесь поставил голубушку. В смысле – возле входа. Сюда-то я не въезжал, вошел пешком. Кое-что соображаю. Не конченный еще человек. Рано меня списывать со счетов, майор.

– В таком виде вам нельзя садиться за руль.

– Да какая собака меня остановит! У меня в ГИБДД кругом свои люди. Пальцем не тронут. Хотя я без «мигалки».

– Вы и сами далеко не уедете, в какую-нибудь стенку врежетесь. Давайте я отвезу вас домой.

– Не хочу домой, – по-ребячески захныкал Турецкий. – Что я там забыл?!

– Тогда поедем ко мне, – предложил Антон.

Александр Борисович отрицательно помотал головой и обеими руками ударил по клавишам – заиграл «Я люблю тебя, жизнь». Играл и насвистывал. Остановившись, сказал:

– Ты, я вижу, тоже уходить не собираешься. Тогда давай выпьем. Зачем напрасно терять драгоценное время?!

Вот теперь стало заметно, что Турецкого развезло, язык уже меньше слушался его, движения потеряли уверенность.

– Александр Борисович, я сегодня пить совсем не настроен. Хочется с вами серьезно поговорить. Выслушайте меня. Я мечтаю стать полноценным детективом. Мне практически поручено первое дело. Я хочу работать в «Глории»...

– Тоша! Друг! Что ж ты сразу не сказал! – перебил его Турецкий. – Насчет «Глории» это же отличная мысль. Супер! Там есть диван, причем кожаный, из бывших. Телефон можно запросто отключить, и никто не побеспокоит, даже если среди ночи совершится преступление.

– Макс может до сих пор там сидеть, – напомнил Плетнев о компьютершике агентства. Вечно озабоченный улучшением существующих программ, заменой прежних на новые, тот действительно очень часто засиживался допоздна.

– Ну, Макс – свой человек. Он нам не помешает. Поедем-ка туда, дружище! Что-то я нынче притомился сверх всякой меры.

Поднявшись, он с громким стуком закрыл крышку фортепиано. Затем достал из кармана пиджака смятые деньги и, не считая, бросил их на соседний столик. Появившийся словно из-под земли молоденький официант взял нужную сумму, остальные бумажки благородно хотел вернуть Александру Борисовичу. Однако тот с пьяной удалью стал отказываться, сопровождая свои слова и жесты хорошо известными пошлостями типа «это на чай» и «сдачи не надо!». Официант настаивал на своем. Дело кончилось тем, что Антон взял у него деньги, две купюры тут же ему вернул, остальные засунул Турецкому в карман пиджака.

– Идемте, я отвезу вас.

Плетнев хотел было взять Александра Борисовича под руку, но тот возмутился:

– Да что ты со мной цацкаешься, словно с маленьким! Ни в какую стенку я не врежусь. Я же виртуоз руля! Готов проехать над пропастью на двух колесах.

Он взял книжку, недопитую бутылку и медленно, стараясь не потерять равновесия, побрел к выходу.

– Вы палочку забыли! – крикнул ему вслед официант.

Через пятнадцать минут после выхода из «Фортуны» Антон зауважал Турецкого больше прежнего. Был теплый безветренный вечер, и, увидев удобную скамейку со спинкой, следовательно предложил посидеть на свежем воздухе. Закурив, они посидели, полюбовались звездным

небом. Через несколько минут Александр Борисович, аккуратно затоптав окурок, встал и сказал:

– Теперь можно с чистой совестью ехать.

У Антона от удивления отвисла челюсть – Турецкий казался совершенно трезвым. В кафе у него был заплетающийся голос, неуверенные движения. Сейчас рядом с Плетневым находился другой человек. А ведь выпил три четверти бутылки, и судя по всему, без закуски. Как он умудрился так быстро прийти в себя – то ли самовнушение, то ли медитация помогли, Антон не мог сообразить. Однако факт оставался фактом: постороннему человеку ни за что не догадаться, что несколько минут назад Турецкий был изрядно пьян. Плетнев тоже не ребенок, мог, как говорится, принять на грудь солидную дозу, только на следующий день, даже если выпивка сопровождалась обильной закуской, чувствовал себя не в своей тарелке. Турецкий же сейчас выглядел как огурчик. «Видимо, это необходимое качество настоящего следователя, – подумал Антон, – много пить и не пьянеть. Может пригодиться в работе. Нужно будет освоить».

Тем не менее за руль Александр Борисович благоразумно сесть отказался, попросил вести машину Плетнева. Убедившись же, что тот ведет его «Пежо» уверенно и способен одновременно разговаривать, не отвлекаясь от дороги, попросил майора подробно рассказать о событиях сегодняшнего дня.

Агентство находилось в районе Неглинки, рядом с Сандуновским переулком, в старом доме рядом с небезызвестными банями. Здесь сейчас все реставрировалось и перестраивалось. До «Глории» комнаты на первом этаже уютного кирпичного дома арендовала солидная торговая фирма, имеющая сеть универсамов по всей стране. Уезжая отсюда в специально выстроенное помещение, ее сотрудники оставили за ненадобностью львиную часть оборудования и мебели. Фирма разбогатела и имела возможность купить себе все новое. Тогдашний владелец «Глории» Денис Грязнов подошел к оставленным прежними арендаторами вещам творчески. Кое-что из обстановки, например решетки из белой проволоки, на которых раньше располагались образцы мелких товаров, типа жевательной резинки, отправил на помойку. А вот мебель – столы, стулья и старый кожаный диван – отреставрировал. Да как! Среди нового интерьера, отделанного хорошими дизайнерами, эта мебель смотрелась очень привлекательно. Особенной любовью сотрудников пользовался диван, на который первым делом и плюхнулся Турецкий, когда он и Антон приехали сюда из «Фортуны».

– Макс уже ушел?

– Да, Александр Борисович, закрыт его кабине-тик.

– Благодарь. Значит, у нас отдельная квартира.

Плетнев поведал все события сегодняшнего дня, самокритично оценив его как бесплодный. Его насторожил только супермен, на иномарке которого уехала Наталья Викторовна. Турецкий же к этому известию отнесся весьма скептически.

– Ерунда бездоказательная, – махнул он рукой. – Мало ли кто это может быть: брат, сват, просто приятель, сослуживец, в конце концов. Где, кстати, генеральша работает?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Ну вот. О чем же тогда говорить? Мы вообще ничего про нее не знаем. Поэтому ни о каком преступном сговоре речи быть не может.

Плетнев стоял на своем:

– Что она изменяет генералу, это к гадалке не ходи. Не может такая сексуальная бабенка не шалить. Тем более что муж часто в разъездах, она намного моложе.

– На сколько?

– Думаю, лет на пятнадцать.

– Нечего думать, нужно просто проверить. Может, она просто выглядит намного моложе своего возраста, а на самом деле они ровесники.

– Хорошо, проверю, – кротко ответил Антон. – Но мужчина этот – не ее водитель, видно, что между ними другие отношения. Вдобавок номера у него заляпаны грязью, словно специально. Вся машина чистая, а номер не разобрать.

– И передний, и задний?

– Я только задний видел.

– Здравсьте-пожалуйста. Только задний. Значит, не владеешь полной информацией. Может, передний был чистый.

– Да задний-то с какой стати грязный? Дождя-то уж бог знает сколько не было.

– Об этом я, друг мой, могу только догадываться. – Турецкий смачно зевнул. – Может, поливальная машина мимо проезжала. У нас во дворе такая же картина: по утрам вдоль дома ездит поливалка, чтоб ей пусто было, и своей мощной струей всю грязь сбивает в сторону машин. А мы ставим их под углом к бордюру. Если я рано не уезжаю, выхожу после девяти – колеса и задний номер обязательно щедро заляпаны грязью. И никуда от этого не деться.

– Все равно, Александр Борисович, вела себя Свентицкая как-то не душевно, странно. Не так ведут себя женщины, у которых смертельно ранили мужей.

Турецкий с некоторым удивлением посмотрел на Антона Владимировича:

– Здоров же ты, брат, обобщать. Откуда только у тебя такие агентурные сведения? Я-то как раз считаю, что каждый случай необходимо рассматривать индивидуально. Только сейчас, Антон, дело в другом. Скажу тебе как физическое лицо физическому лицу: в подобных ситуациях родственники – это самая последняя версия. Когда ничего другого уже не осталось, когда стоишь у последней черты. И знаешь почему?

– Потому что их искать не нужно, – подумав, ответил Антон.

– Молодец! Возьми с полки пирожок. Действительно, искать не нужно, они никуда не денутся. Поэтому, майор, постарайся подкрасться с другой стороны.

– С какой?

– Ишь ты шустрый выискался, скажи ему с какой! Думай, Петька, думай, как говорил Чапаев...

Антон в самом деле задумался, сильно наморщив лоб и почесывая затылок. При этом он продолжал размышлять вслух:

– Конечно, Андрей Владиславович – боевой генерал, человек крутого нрава. Прошел Северный Кавказ и Косово. Враги у него со всех сторон. Покушение произошло в Москве.

– Давно он в Москве живет?

– Три года. Нужно докопаться, кому это выгодно.

– В принципе, ты прав, – одобрил Турецкий. – Я имею в виду, насчет выгодно. Только в наши дни появился еще один распространенный мотив. Мне кажется, его породила излишняя доступность огнестрельного оружия. Я имею в виду месть. Вроде бы никакую материальную выгоду преступник при этом не преследует, только рискует. И вот из-за какой-нибудь мелкой обиды стали часто стрелять, несоразмерная месть или, как пишут журналисты, неадекватный ответ. С таким явлением я уже черт знает сколько раз сталкивался. Этот фактор, друг ситный, тоже необходимо учесть.

– Вы хотите сказать, что действовал кто-то из подчиненных? – уточнил Плетнев.

– Бывших или нынешних.

– Получается, генеральша того же мнения. Когда она на меня окрысилась, то кричала, что все думают о своей карьере. А генерал-лейтенанту, мол, подобное отношение к службе претит.

– Давай для простоты будем называть его потерпевшим.

– Одним словом, дала понять, что среди военных имеются обиженные потерпевшим.

– Кричала, говоришь, да? Вообще-то, с ней нужно поподробней потолковать. Не на ходу и не в коридоре госпиталя. Целесообразно посидеть где-нибудь... – Александр Борисович запнулся, подбирая нужное слово, – в располагающей для беседы обстановке. Госпиталь –

слишком мрачно, агентство – официально. Разве что приличное кафе, рангом повыше «Фортуны»... и то неизвестно, какие соседи окажутся рядом, вдруг она застесняется посетителей. Лучше всего, безусловно, дома. У Свентицких, разумеется. Ты после сегодняшнего изящного знакомства явно туда не вхож.

– Может, вы возьмете Наталью Викторовну на себя? – вкрадчиво произнес Плетнев. Он надеялся, что размягченный алкоголем «важняк» согласится на его предложение, однако тот в ужасе замахал руками:

– Окстись, милый! Чур тебя, чур! Я инвалид третьей группы, хожу с палочкой, мне пошатнувшееся здоровье не позволяет заниматься делами повышенной сложности. Найди кого-нибудь другого, Щеткина, например. А сам ты, раз уж засветился у Натальи Викторовны, попробуй поговорить со своими бывшими коллегами, из окружения потерпевшего. Хотя черта лысого они что-нибудь скажут. Они там все так вымуштрованы, что рот раскрыть боятся.

– Помнится, Константин Дмитриевич говорил, что у вас есть знакомый в военный прокуратуре.

– Это он, наверное, Санаева имел в виду. Да от него толку как от козла молока. Серега человек с большими закидонами – каждое сказанное мне слово воспринимает как собственную измену Родине. И потом, Антон, в данном случае моих знакомых не тронь, своих заводи. Я уже отработанный пар, инвалид. Хочешь стать следователем, требуется постепенно создавать собственную агентуру. Это как штык. Скажи, с кем у тебя сохранились приличные отношения из окружения генерал-лейтенанта?

Антон опять задумался, потом сказал:

– Я был в приятельских отношениях с полковником Юшиным, замом Свен... потерпевшего по строевой. По-моему, он уволился по инвалидности...

– Прямо как я, – вставил Турецкий. – Он что – пожилой?

– Нет, ему тогда сороковник стукнул. Я подробностей не знаю, может, ранение. Нужно поговорить с ним.

– Поговори, друг мой. – Александр Борисович поудобней устроился на диване – повернулся на правый бок, явно намереваясь заснуть. – Опять же Щеткина возьми. У него, в отличие от нас с тобой, в кармане солидная «корочка» имеется.

– Еще есть единственный свидетель покушения.

– Водитель-то? Ну, во-первых, этот свидетель не у нас, а у военной прокуратуры, во-вторых, он мало что видел. Все, Плетнев, отбой. Пора отправляться в гости к сопинову и храповицкому.

Он закрыл глаза.

– К генеральше все-таки нужно сходить. Только она меня выгонит поганой метлой, как пить дать...

– И ты по-прежнему предлагаешь совершить эту опасную акцию мне? – не открывая глаз, спросил Турецкий. – Мне? Старому больному человеку? Инвалиду третьей группы, который без посторонней помощи не способен подняться на крыльцо? Маразматику, у которого так дрожат руки, что он не способен с расстояния 100 метров попасть белке в глаз?.. Послушай, Плетнев, иди ты к черту! Не мешай спать типичной развалине. Не буду я заниматься этим темным делом. Не буду я работать в «Глории». Можешь так и Меркулову передать. И генеральному прокурору. А также сообщить всем средствам массовой информации. Как нашим, так и зарубежным...

Глава 6

ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОМОЩНИЦА

Антон считал себя приспособленным к любым условиям человеком: прекрасно готовил еду, обстирывал себя, убирал квартиру, способен починить любую вещь от часов до стиральной машины. А с появлением дома сына Плетнев растерялся. Это себе можно было готовить замороженные котлеты или пельмени, но мальчику требуется более здоровая пища. Следить за его здоровьем, одеждой, времяпрепровождением для бывшего спецназовца оказалось мудреной задачей.

Ирина Турецкая обратила внимание на то, что отец Васи комплексует из-за своей неумелости. Он рад бы быть ласковым и заботливым отцом, мечтал проводить с ним все время, да не получалось. Нужно было работать, добывать деньги. Когда начался учебный год – Вася учился во втором классе, – Ирина Генриховна часто приезжала в Медведково. Готовила еду, помогала делать уроки, гуляла с Васей. Иногда Антон возвращался поздно, тогда приходилось задерживаться и ей, что вызывало неудовольствие у находившегося в госпитале Александра Борисовича. Это не было ревностью в чистом виде. Он ни секунды не сомневался в своей жене, у него и мысли не было о физической измене. В то же время видел – не слепой же! – что Антон в нее влюблен. И Турецкому казалось, что их длительное общение может привести к нежелательным последствиям. К каким? Это он и сам не сумел бы точно сформулировать.

Для Ирины Генриховны регулярные поездки в Медведково представляли большую нагрузку. Ближе к лету она предложила мужу, чтобы мальчик пожил у них, на что Турецкий согласился. Это было очень логично: у Васи начались каникулы, Нина еще не приехала, Александр Борисович в госпитале.

Плетнев был очень благодарен Турецким за заботу и, по возможности, старался помогать чем мог. Сейчас, оставив Александра Борисовича ночевать в агентстве, он позвонил Ирине Генриховне, чтобы успокоить ее. Подробно рассказал ей о событиях сегодняшнего вечера.

– Значит, Саша действительно в порядке? Или вы просто успокаиваете меня?

– Иначе бы я остался с ним. Неужели вы сомневаетесь?

– Он, наверное, голоден, как собака, да и вы тоже?

– Ирина Генриховна, сейчас в Москве еда не проблема, на каждом шагу продается. Как Васька-то?

– Только что заснул.

– Он вас порядком измучил?

– Антон, каждый раз вы спрашиваете одно и то же, – укоризненно произнесла она. – Василий послушен, спокоен, особых хлопот не приносит. Тем более что Нины нет. Одним словом, Вася меня не беспокоит, меня Шура волнует.

Сегодня, когда муж сказал, что ему нужно пойти рассеяться, она не стала перечить. Прекрасно понимала его настроение. Из-за его расстройств она сама была близка к отчаянию. Мужу нельзя находиться в бездействии, не то он станет заниматься таким самообразованием, от которого свихнуться можно. Если бы он был дряхлым стариком и его уволили из прокуратуры, он тоже переживал бы. О чем же говорить сейчас! Постоянное цитирование «Старика и моря» – это только цветочки. А если ударится в безудержное пьянство?!

Антон тоже понимал состояние Турецкого:

– Я предложил ему заняться расследованием покушения на Свентицкого, да он сперва вроде согласился, а потом отказался.

– Сейчас Шура всякое благодеяние воспринимает в штыки, думает, что окружающие так поступают из жалости. Ему нужно время, чтобы понять, как необходима следствию его

помощь. Если вы будете заниматься расследованием, то он рано или поздно не выдержит и подключится. Он без этого жить не может. Я прекрасно знаю его характер. Только требуется какое-то, не очень длительное, время, чтобы ему остыть, чтобы боль от обиды притупилась. Тут уж ничего не поделаешь.

– Так беда в том, Ирина Генриховна, что лишнего времени нет. Ведь все лучше делать по горячим следам. Этому, кстати, меня учил сам Александр Борисович. Потом следы исчезают, их обнаруживать труднее и труднее, улики пропадают, свидетели забывают.

– Понимаю. Ну, давайте я помогу вам. Хотите, я встречу с генеральской женой и поговорю с ней?

– Вы? – изумился Плетнев.

– Да. А что тут особенного? Дело в том, что дома Шурка бывает очень откровенен и охотно рассказывает мне о своей работе. Причем не один год. Тут поневоле начнешь приобретать кой-какие навыки. Поэтому я могу поговорить с ней.

– А под каким соусом? Как вы представитесь?

– Представлюсь частным детективом. Кстати, у меня есть визитки «Глории». Вы домашний телефон Свентицких знаете?

– Первым делом узнал.

– Скажите мне...

Как и следовало ожидать, утром Турецкий позвонил жене, попросил прощения за то, что вчера не вернулся домой.

– Сейчас хлебну кофейку для бодрости души и тела и приеду.

– Если мне нужно будет подъехать в училище, я оставлю тебе записку.

– О'кей, старуха!

Ну, судя по жаргону, его настроение стало приходить в норму.

После разговора с мужем Ирина Генриховна сразу позвонила Свентицкой. По голосу было понятно, что та спала или, в лучшем случае, едва проснулась. На просьбу частного детектива из «Глории» о встрече Наталья Викторовна откликнулась без большого энтузиазма:

– Встретиться-то можно, только я не совсем понимаю зачем. Ищут преступника, который стрелял в моего мужа. Для этого нужны свидетели. Меня-то при этом рядом не было. Какая вам от меня польза?!

Турецкая принялась терпеливо говорить генеральше о том, как при отсутствии очевидцев косвенные свидетельства помогают выйти на след преступников – исполнителей или заказчиков, докопаться до истины. Близкие люди даже не подозревают, насколько ценно может быть их любое слово для следствия. Они могут не придавать значения какой-либо мелочи, а именно она станет той каплей, которая перевесит чашу весов в пользу следствия.

Говоря все это, Ирина Генриховна почувствовала воодушевление. Как будто в самом деле была профессиональным сыщиком. Отчасти это так и есть – все-таки она закончила курсы по криминальной психологии, была там на хорошем счету, проходила, правда недолгую, практику в МУРе, выполняла кое-какие поручения Дениса Грязнова для «Глории». Собеседница почувствовала ее заинтересованность и согласилась. Более того, согласилась на условиях Турецкой. Той же хотелось непременно встретиться у Свентицких дома. Казалось, что жилище может много сказать о человеке, его характере и привычках.

– После одиннадцати я поеду в больницу, – сказала Наталья Викторовна, – там у них в это время кончается врачебный обход. Посижу до обеда и вернусь домой. Можем договориться на три часа.

– Спасибо, постараюсь не опоздать. Скажите, пожалуйста, ваш адрес.

В университете Петра Щеткина считали самородком. Еще бы – приехал в Москву из глубинки, из маленького приволжского городка Ярославской области, и с первого раза при гигантском конкурсе поступил на юридический факультет. При этом он не имел не то что

блата, у него вообще в столице не было никаких знакомых. Больше того – первое время он поражал интеллигентных преподавателей и однокурсников своей серостью. У себя в городе Петр мало что видел, почти не читал газет и книг. Не говоря уже о модных новинках, вроде Пастернака и Хемингуэя, он, как выяснилось, не читал даже «Анну Каренину». Однако парень смекалистый, голова светлая, ходил по музеям, библиотекам, театрам, выставкам. У него была феноменальная память, поэтому все прочитанное через несколько лет мог пересказать в подробностях. Так что достаточно быстро его эрудиция не уступала другим студентам.

В основном Петр дружил с такими же иногородними, как и он сам, то есть с соседями по общежитию. К москвичам у него было настороженное отношение. Балованные, зажавшиеся, все-то им легко давалось, люди они ненадежные. Лучше держаться от такой публики подальше.

Подобных радикальных взглядов он придерживался и в университете, и в аспирантуре, куда из-за своего таланта поступил без проблем. Правда, в аспирантуре Щеткин не доучился. Собирая данные для диссертации, ему пришлось тесно связаться с работниками оперативно-розыскной службы. Их деятельность настолько увлекла Петра, что теоретическим изысканиям молодой человек предпочел живую оперативную работу.

Щеткин не сделался настоящим москвичом. Его назначили в подмосковный город Коломну начальником уголовного розыска. Зато москвичкой стала его сестра Татьяна, которая в Москве вышла замуж за парня, с которым познакомилась, отдыхая на Пицунде. У Володи были две комнатки в общей квартире на Тишинской площади, молодожены во время учебы Петра предложили ему поселиться у них: они в одной комнате, он – в другой. Так и сделали, жили без особых эксцессов. Потом произошли большие изменения – у Татьяны и Володи родилась дочка, Оленька. Вскоре после этого скончался старичок, занимавший третью, самую большую комнату в квартире. Володя – писатель, журналист, у него есть право на дополнительную жилплощадь, к тому же существовало веяние не создавать новые коммуналки. Освободившаяся комната отошла к ним, и теперь Татьяна с мужем проживала в отдельной квартире, да еще в таком прекрасном районе.

Из Коломны Петра перевели в МУР по просьбе Турецкого. Петька оказался слишком принципиальным для провинциального городка со своими извечными законами. И вот уже – полтинник, а он все в майорах бегаёт. Самого же Сашу Щеткин увидел после долгого перерыва, когда произошел взрыв в детском доме. Он тоже участвовал в расследовании этого дела. Щеткин много слышал об успехах Александра Борисовича, который первым из их университетского потока стал «важняком». Читал служебные материалы о сотнях дел, расследованных Сашей, и порой искренне завидовал ему. Оказалось, Турецкий, к которому он относился прохладно, помнил о нем.

Вечером Щеткину позвонил Антон Плетнев из «Глории», с которым они вместе расследовали теракт в детском доме, а потом ловили и самого террориста, и рассказал о покушении на генерал-лейтенанта Свентицкого.

– Сейчас имеется единственный свидетель, генеральский водитель, и никаких стоящих версий о причинах. Я пытался поговорить с его женой, да неудачно, только испортил дело. Саша, между прочим, хотел бы, чтобы и ты подключился к этому делу. Если согласен, с твоим начальством он вопрос решит.

– Я не против. Но ты хочешь, чтобы я с ней поговорил?

– Нет, Петр, с ней займется другой человек, Ирина Генриховна. А я хотел попросить тебя съездить со мной в «Красную звезду».

– В редакцию газеты?

– Нет. Есть у них тетка под Москвой.

– А-а, это что-то связанное с подводными лодками?

– Опять холодно. Это собачий питомник.

– Ой! – скривился Щеткин. – Это же для меня страшнее пистолета.

В свое время, став московским студентом, Петр втайне переживал два обстоятельства: несмотря на то что вырос недалеко от Волги, он не умел плавать и боялся собак. Причем в детстве он проявлял к этим животным своеобразный интерес: любил привязать к собачьему хвосту пустую консервную банку и залиvisto хохотал, когда те с грохотом носились по двору. Собакам такая забава не нравилась, несколько раз Петю здорово покусали, после чего он поневоле стал от них шарахаться. Последнее же столкновение произошло уже в Москве, когда гулял возле дома с маленькой племянницей. Рядом были и другие дети. Неожиданно на площадку выскочил сорвавшийся с поводка ротвейлер. Щеткин начал отгонять собаку от малышей, и пес так цапнул его за руку, что Петр два месяца ходил с повязкой. Вдобавок пришлось делать уколы от бешенства, на чем, кстати, он особенно настаивал, считая, что нормальная собака так вести себя не может.

С плаванием обстояло проще: походил пару месяцев в бассейн в Лужниках и научился. А вот боязнь собак осталась.

– Антон, без меня обойтись нельзя? – спросил он. – Я собак терпеть не могу, и они меня тоже не переваривают.

– Так они же там сидят в вольерах, Петр. Диких я тоже боюсь, – тактично сказал Плетнев. – Без тебя же никак не обойтись. Александр Борисович сказал, что, как старший товарищ, мудрый и чуткий, ты окажешь мне неоценимую помощь.

– А он не сказал тебе, что ум хорошо, а полтора лучше? – засмеялся Щеткин. Однако согласился, к великому неудовольствию сестры, которая надеялась сподвигнуть его в выходной на хозяйственные заботы. Перебравшись в Москву, Щеткин снова поселился у них.

Договорились, что завтра к двенадцати Антон заедет на своей машине за ним домой. Слишком рано в воскресенье в питомнике делать нечего, а поздно так и подавно.

По пути Петр обрушил на него ворох свежих баек из жизни городского угрозыска, где сейчас работал.

– Представляешь, вчера на имя капитана Бузуева приходит бандероль. Ну, ее, разумеется, просветили рентгеном, прощупали, вроде не бомба. Наш начальник отдела вскрывает коробку, а там ювелирные цацки – кулончики, цепочки, кольца. Долларов на пятьсот. И лежит маленькая записочка: «Капитану Бузуеву. Поздравляем с днем рождения внучки!», а подписано: «Работники ГУМа».

– Что ж он им сделал такого?

– Это карманники были. Представляешь? Год назад Бузуев поймал маньяка, который пятерых карманников порезал бритвой. Ну, и они в знак благодарности отвалили ему такой подарочек.

– Видать, для них эти пятьсот долларов, что для нас рубль.

– Ну, это ты преувеличиваешь. На самом деле это для них – что полтора рубля для нас, – пошутил Щеткин.

Они съехали с кольцевой дороги, и вскоре машина остановилась у ворот, справа от которых висела металлическая, с выпуклыми буквами вывеска, напоминающая мемориальную доску: «Ордена Боевого Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции государственный питомник служебного собаководства».

Глава 7

ТАБЛЕТКА НА КОВРЕ

Когда Ирина Генриховна подошла к подъезду и собралась было нажать кнопки кодового замка, она заметила приближавшегося молодого человека, который уже достал из кармана специальный ключик в форме ложечки. Она решила пройти вместе с ним. Это пожилые люди стали бы спрашивать, к кому направляется. Парень же галантно, с улыбкой, распахнул перед незнакомкой дверь. Чего опасаться – женщина холеная, хорошо одетая, не похожа на грабительницу или террористку.

– Свентицкие на каком этаже живут? – спросила Турецкая, хотя сама знала. Ей нужно было завязать разговор.

– Это генерал, что ли? На пятом.

– Вы с ним знакомы? С Андреем Владиславовичем?

– Шутите, что ли? Кто он и кто я? Только в лицо знаем друг друга. Здравваемся.

– То есть шапочное знакомство?

– Ну, как нынче у большинства соседей в новых домах.

– Этот дом новый?

– Построен пять лет назад.

Парень нажал кнопку вызова лифта, который с легким гудением пополз вниз.

– Вы слышали, что произошло с генералом?

– Еще бы! У нас в доме все разговоры только об этом. Стреляли в него. Неподалеку отсюда, в переулке.

– А о причинах что-нибудь говорят? – спросила Ирина Генриховна и объяснила: – Поймите, это не праздное любопытство. Я принимаю участие в расследовании.

– Да кто же знает причины?

– Может, предположения высказывались? Вы-то сами что думаете по этому поводу?

– Бизнес, наверно. Эта сейчас самая распространенная причина. Где крутятся большие деньги, там появляется криминал. От этого никуда не деться.

– Разве Андрей Владиславович занимался бизнесом? Он же военный.

Парень усмехнулся:

– Все же начальник, персональная машина по утрам за ним приезжала. А кто из начальников сейчас не занимается бизнесом?! Судя по газетам, все.

– Газеты могут преувеличивать.

– Да это и без них видно. Причем чем важнее пост, тем больше хапают. Этим упырям все мало. Поэтому их народ не любит.

Политизированный разговор пришлось прервать на пятом этаже – Турецкая вышла, парень отправился дальше.

Она нажала кнопку звонка, находившегося возле дверей с матовыми стеклами, отделявших холл перед четырьмя квартирами от лифтовой площадки. В глубине послышалось щелканье замков, затем приблизившаяся к дверям женщина звонким голосом спросила:

– Вам кого?

– Наталья Викторовна, это я, из «Глории».

Дверь открылась. Перед Турецкой стояла миловидная черноволосая женщина. Она была одета в пятнистые, желто-черные, домашние брюки и фиолетовую майку с длинными рукавами.

– Как раз в подъезд входил какой-то мужчина, поэтому я не стала набирать код, сразу поднялась.

– Проходите, – несколько натужно улыбнулась Свентицкая.

Войдя в квартиру, Ирина Генриховна сразу оценила хороший вкус хозяев и их аккуратность. В коридоре шкаф-купе «под орех», напротив, над оригинальным комодиком, висит интересная гравюра, не из дешевых. Здесь вообще не было дешевки. В глаза бросился стоявший в кухне высоченный холодильник «Уирполл» в корпусе из нержавеющей стали. Турецкая вспомнила, как однажды, увидев такой в магазине, ходила вокруг него и облизывалась. Цена настолько умопомрачительная, что ей даже мечтать было трудно.

Гостя высказала готовность разуться и, получив очень удобные домашние тапочки (завтра обязательно куплю себе такие же), вслед за хозяйкой прошла в большую комнату. Сразу обратила внимание на телевизор «Филипс» с большим плоским экраном. Одна из последних моделей.

– Вы кофе будете? – спросила Наталья Викторовна. – Я уже пообедала, а кофе еще не пила, вас дожидалась.

– Спасибо, с удовольствием.

– Черный или с молоком?

– Лучше без молока.

– Может, вас накормить?

От еды Турецкая отказалась и, когда хозяйка отправилась на кухню, принялась разглядывать интерьер. Здесь было много книг, но не это в первую очередь привлекло ее внимание. В глаза бросалось большое количество старинных, судя по всему, антикварных украшений: кубки, шкатулки, печатки. Висели три иконы, только не так, как это бывает в домах у верующих людей, которые располагают их чаще всего в углу, да еще перед ними зажигают лампадки. Эти иконы висели на стенах, как картины. Ясно, что это для коллекции. А может, Свентицкая – специалист по древнерусскому искусству? Ирина Генриховна посмотрела на книги – по большей части, беллетристика, хорошие собрания сочинений классиков. Книги и альбомы по искусству тоже имелись, однако их было сравнительно мало. У профессионала они занимали бы все полки, здесь же таких ограниченное количество. Скорей всего, жена или муж – любители, коллекционеры старинных вещей. Наталья Викторовна быстро сервировала стол: принесла конфеты, нарезанный кусочками кекс, поставила блюдо с виноградом и яблоками. Когда кофе был готов, она устроилась в кресле напротив Турецкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.